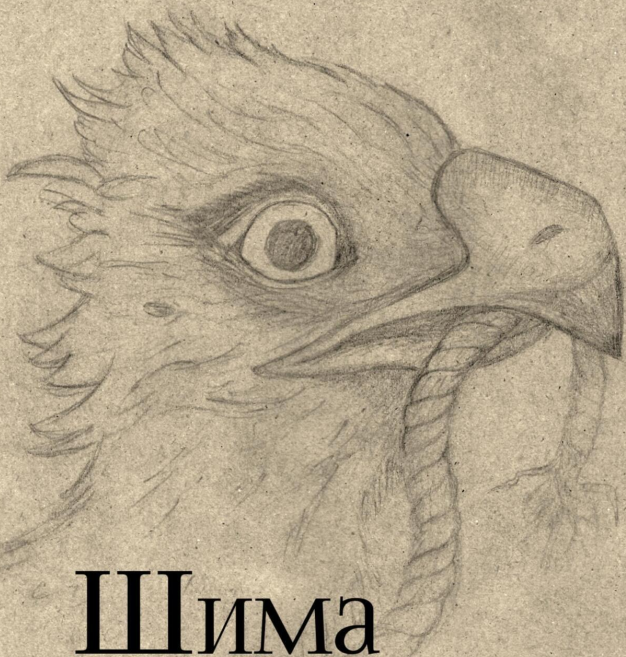

Дарья Дивеева

Шима

Не оставляйте
детей без присмотра!

Дарья Дивеева

Шима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68997622

SelfPub; 2023

Аннотация

Шиму, смешного орленка-переростка, воспитывают двое братьев-людей. Он не знает забот, его жизнь полна любви и вкусняшек. Но накануне праздника зимнего солнцестояния "родители" уезжают навестить мать в другой город. В их отсутствие за Шимой должны присмотреть соседи – волшебник Ларион и его жена Тирра. И вот, после первого же визита, они понимают, что орленок – отнюдь не обычная птица. Действие происходит в Аотере – мире "Духов-покровителей".

Дарья Дивеева

Шима

Шима примостился возле окна в своей комнате в пристройке к небольшому дому. У него была уютная кровать в виде стога сена, где он любил сидеть, нахохлившись, долгими вечерами перед тем, как сон начнет забирать его. Шум моря убаюкивал, а в ноздри лез вечный запах прибитых к берегу водорослей. Третье веко медленно застилало большие круглые глаза цвета горних высей, и птенец погружался в сон, чтобы увидеть свободу полета и двух своих родителей.

Бадда и Актасси уходили каждое утро на рыбалку, а возвращались поздно вечером. Они обещали взять Шиму с собой, когда он подрастет и научится летать. «Странно, – думал он. – Зачем мне учиться летать, если родители сами этого не умеют?»

Он не мог у них этого спросить. Его клюв не мог издавать звуков, похожих на речь родителей. Только писк и клетот. Но ничего, однажды он вырастет и все-все им расскажет!

Он звал их «мама» и «папа», хотя оба были бородаты и широкоплечи. Просто одного из них, младшего Актасси, он увидел первым после того, как вылупился из яйца. И с тех пор бегал все время только за ним.

Однажды утром Шима проснулся раньше обычного от

звуков суеты. Его родители громко переговаривались, топали по деревянному полу и перекладывали предметы.

Шима высунул голову в окошко и клювом снял крючок – нехитрое запирающее устройство на его двери. Выбежал во двор и отряхнулся, щурясь на утреннее солнышко.

На него чуть не налетел Бадда.

– Эй, Шима, ты чего так рано подскочил? Иди поспи ещё!

Птенец затряс головой и курлыкнул: «Я слышу, как вы ходите, и уже не смогу заснуть!» Отец его, как обычно, не понял.

Двор, дом и большая акация возле ограды были украшены цветами и гирляндами из ракушек и разноцветных рыбьих чешуек. Как объяснили родители, приближался Солтис – праздник зимнего солнцестояния. Поэтому надо было вывесить лучшие украшения, чтобы приманить удачу на будущий год. Шиме они страсть как нравились! Он то и дело подбегал и трогал их клювом, извлекая из них переливы ярких бликов и мелодичный перестук.

Пух на тельце сменялся молодыми перьями, и кожу холодил ветерок с моря. Но родители рассказывали, что на севере страны вообще выпадает сенг – какая-то белая холодная штука. И там гораздо холоднее, чем у них тут, на южном побережье.

Шима попытался найти Актасси и потопал на второй этаж дома, где застал его за сборами.

– Привет, дорогой, – Актасси потрепал Шиму по голове, отчего тот блаженно прикрыл глаза. – Мы с Баддой съездим к нашей матушке в Житру. Это недалеко – день в одну сторону и день в другую. И там пару дней порадуем старушку, послушаем про то, что пора жениться и завести детишек. Расскажу ей, что одна детка у нас уже есть!

И он снова потрепал птенца по голове.

Хотя Шима вырос уже большой и даже уже начал менять оперение, к нему всё равно относились, как к маленькому. В обычном состоянии его голова уже была на уровне груди родителей. А если ему хотелось вытянуться, то он их и перерастал, доставая клювом до потолка.

– Я сначала не хотел оставлять тебя здесь, но брать с собой – сумасшествие, брат прав. Намучаемся все – и мы, и ты. Так что оставим тебя дома. Не переживай, тебя будут проводить и кормить соседи, я уже договорился. Так что голодным не останешься.

Но не голодным боялся остаться Шима. Его сердечко заколотилось с бешеной силой. Ведь его родители собираются куда-то уехать без него! Да ещё и на несколько дней.

Он суетливо стал метаться по комнате и пару раз клюнул дорожную сумку Актасси.

– Эй, приятель. Не надо так нервничать. Мы быстро – ты даже не успеешь соскучиться. Но очень уж надо поздравить матушку с Солтисом. Не каждый месяц он происходит, ага.

– Мы закроем дом, чтобы ты тут не наворотил дел, – ска-

зал подошедший Бадда. – Но весь двор и пристройка, как обычно в твоём распоряжении. За ворота не ходить, на ночь запирайте дверцу в свой домик, не разбрасывать по всему двору игрушки и не забывать хорошо кушать.

И пока птенец стоял с раскрытым от удивления клювом, Актасси и Бадда коротко попрощались, оседлали лошадей и отправились в дальний путь.

Шима остался совсем один.

– Я вообще не понимаю, как я тут оказалась и что делаю! – длинноволосая стройная блондинка резко сунула ошипанную курицу в холщовый мешок и со страдальческим видом окинула взглядом кухню.

Ей казалось, что она только и делает, что убирается на этой чертовой кухне, но по углам все равно валялась луковая шелуха, а по столу опять расползались какие-то пятна. Понеслось цокот маленьких коготков, и за кадкой мелькнул тонкий хвост.

– Напомнить? – скучающим голосом спросил полный мужчина и приподнял тонкую бровь.

Его черные прямые волосы были небрежно заколоты на затылке, а слишком тонкие для такого тучного тела пальцы унизаны кольцами самых разных форм. Он сидел в кресле возле очага и задумчиво крутил в левой руке призрачный

светло-зеленый шар. Он то мерцал, то пульсировал, взлетал и делал круг над ладонью.

Женщина грохнула деревянным ушатом о стол, сдула челку и посмотрела исподлобья.

– Не надо!

Во второй мешок отправились рыбы головы, картофельные очистки и подгнившее яблоко. Челка упрямо лезла в глаза, а под ногти забиралась грязь и чешуйки. Блондинка вытерла руки и швырнула полотенце на спинку стула. Взяла следующую рыбину.

– Я вышла за тебя замуж. За могущественного мага, укротителя стихий и покорителя сердец, – фыркнула она. – Но по факту променяла столичную жизнь на провинцию. На этот вонючий. Рыбный. Город.

Отрубленная голова радужной пелаамиды отскочила в сторону, проскользила по столу и шлёпнулась на пол. Блондинка со злостью пнула ее в дальний угол. Оттуда раздался возмущенный писк.

Мужчина хлопнул руками, и зеленый шар исчез в ворохе искр.

– Тирра. Ну что ты опять начинаешь?

– А ещё продолжу. Ларион, – женщина назвала имя супруга, словно выплюнула рыбную кость. – Я ждала волшебных приключений, красивой жизни. Но занимаюсь тем, что чищу рыбу и ощипываю кур. А на Солтис вместо того, чтобы поехать к родителям, я в очередной раз буду кормить сосед-

скую скотину и заниматься мелкой кражей!

Но ее гнев разбился о невозмутимость мужчины. Он подошел к жене, положил ей руку на плечо и проникновенно сказал:

– Не говори так. Большинство дорогих людям вещей – просто иллюзия контроля и привязанности. Они берут в руки золотые статуэтки только в те моменты, когда им нужно убедиться в своей ценности. Ну и еще когда вытирают с них пыль. Мы с тобой просто заменяем одну иллюзию другой. А по сути ничего не меняется. Они не теряют то, что им дорого. Зато наше благосостояние растет.

Тирра отдернула плечо и ткнула мужа пальцем в грудь.

– И где это состояние? Мы даже кухарку не можем себе позволить! А твои дохлые крысы по хозяйству почему-то не помогают, только портят припасы и рвут платья!

– Всему свое время, дорогая. Осталось лишь немного поработать. Накопим денег и переедем хоть в столицу. Мы на хорошем счету в городе. Так что надо поддерживать репутацию и добрососедские отношения. Я помогу тебе с мешками сегодня.

Он неуклюже схватился за верхнюю часть одного из них и, отдуваясь, волоком потащил на улицу. Потом резко остановился и бросил через плечо:

– И не надо говорить ничего плохого про моих крыс.

Шима забился в свой домик и уселся в стог сена. В этот раз постель не казалась ему уютной. То ямка недостаточно глубокая, то жёсткий стебель соломы вопьется в известное место... На улице накрапывал дождик, а слабый ветерок перебирал гирлянду из ракушек.

Дуться на весь мир в одиночестве было скучно. Наконец, Шима открыл дверцу и вышел во двор.

Если подумать, все было не так ужасно, как показалось в первые минуты расставания.

Да, родителей не было. Но зато оставался милый дом, к которому Шима настолько привык, что мысли не то, что о поездке в другой город, но и просто о выходе за пределы двора пугали едва ли меньше, чем расставание с родными.

Птенец прошёлся вдоль забора, заглядывая в небольшие щели. Напротив, возле фонарного столба, застыла с поднятой лапой маленькая рыжая собака. Потом она вытерла лапы о землю, отряхнулась и поскакала прочь, оглашая улицу лаем. Шлепая босыми ногами по грязи, пробежали детишки, увлекая за собой бумажного дракона, раскрашенного в красный с белым. Шима хотел бы побежать вслед за ними, хлопая крыльями и крича от восторга, но выходить за ворота было страшно. Это же целый неизведанный мир. Лучше остаться дома, в безопасности.

Но по участку он все же пробежался, размахивая кралышками. Ключнул гирлянду, чтобы высечь из нее мелодию, перевернул тачку. Выскочил к сараю, где его родители хранили инструменты и рыболовные снасти. Ему запрещали туда соваться. Но сейчас же никто не видит. Секунда – и птенец, вереща, пытается выпутаться из сети. Но все его попытки приводят лишь к тому, что он ещё сильнее запутывается.

В испуге он растопыривает подросшие маховые перья – по ним пробегает искра – пшик! – и пахнет палёной льняной нитью.

Шима выпутался из тлеющих обрывков сети и осел на землю. Сердечко сорвалось в галоп и попыталось выпрыгнуть через распахнутый от удивления клюв. Птенец раскинул крылья и с ужасом посмотрел на них. Все в порядке. Он не горит. Крылья, как крылья. Даже пушок не задет.

– Глупый, глупый р-ребенок! – послышался крик с ветки акации.

Шима вскинул голову. На дереве сидел белоснежный какаду и то задирал, то опускал желтый хохолок.

– Зачем лезешь в человеческие инстр-р-рументы? Они для людей, не для птиц!

Шима надулся.

– Я тоже человек! Однажды я вырасту и тоже смогу ими пользоваться!

Попугай повернул голову под невообразимым углом и посмотрел карим глазом.

– Нет! На человека р-р-разительно не похож!

– Ты меня понимаешь? – поразился Шима. Неужели он научился говорить?

– Конечно! Я же птица. И ты птица. Все птицы понимают др-руг др-руга!

– Я не птица, – упрямо буркнул Шима.

Какаду запрыгал по ветке.

– Глупый, глупый р-ребенок! Посмотр-ри! – попугай клюнул одну из зеркальных чешуек рыбы-призрака, которыми было украшено дерево. – Посмотр-ри, Посмотр-ри, Посмотр-ри!

Шима приблизился, потянулся к маленькому зеркальцу и взглянул на себя. Большой черный клюв, белый, местами облезший, пух, проклюнувшиеся черно-фиолетовые перья, маленький лиловый хохолок.

– Ну и что?

– Как что?! – закричал попугай так, что малыш втянул голову в плечи. – Ты не можешь быть человеком! Ты не такой как они. Где твои р-руки? Где твой р-рот?

– Они вырастут! – крикнул в ответ Шима. – Я пока маленький, но скоро у меня будет все, как у моих родителей! Уходи!

– Глупый, глупый р-ребенок, – какаду поцокал, поднял хохолок, захлопал крыльями и сказал на прощание. – Не довер-рай людям!

«Сам он глупая птица! – раздражённо думал Шима, меряя

двор шагами. – Ничего не понимает! Пусть летит, а я просто дождусь моих родителей».

Вдруг в воротах загремел ключ. Щёлкнул замок.

Шима подскочил и со всех ног помчался в свой домик. Он зарылся в сено и вжался в угол.

– Эй! Птица! Я тут тебе еды принесла! Выходи! – раздался грубоватый женский голос.

Хруст гравия под сапогами. Скрип дверной ручки в большом доме. Закрыто. Человек подёргал дверь, потом обошел дом.

– Хм, кормушка что ли?

Шима осторожно выглянул из стога и увидел в окошко, как женщина перевернула холщовый мешок и высыпала его содержимое в деревянную лохань.

– Ладно, как хочешь, не выходи. Но все равно пожри – не зря же я тащила этот проклятый мешок!

Женщина собралась было уходить, но вдруг замерла, наклонилась и что-то подняла с земли. Шимино перо! Видно, обронил, когда мчался в домик. Женщина повертела его в руках, положила в карман и вышла на улицу.

Сердечко Шимы сжалось – это было не к добру.

Ларион задумчиво крутил в руке перо, принесенное ему супругой. Провел пальцем вдоль стержня, потом в обратном

направлении, растрепывая бородки. Между ними пробежали искры. Одна из них легко ужалила волшебника, но он даже не отдернул руку.

– Необычное перо какое-то, – скрестив руки на груди, сказала Тирра.

Она нервничала. Вроде ничего особенного. Просто подобрала перо орлёнка, за которым попросили присмотреть Бадда с Актасси. Да, странное. Потому и принесла домой показать мужу. Но Ларион сидел с ним так уже несколько минут, а Тирра никак не могла ни уйти, ни поторопить его. Наконец, он оторвал взгляд от ее находки и посмотрел жене прямо в глаза.

– Ты даже не представляешь, насколько необычное. Это, – мужчина протянул перо супруге. Она неуверенно его взяла кончиками пальцев. – Перо птицы Рух. Громовой птицы. Штормового Орла. Это тебе ничего не говорит? Эх, угораздило меня жениться на простом человеке...

Тирра вернула перо и снова скрестила руки на груди:

– Либо рассказывай, либо я пойду.

– Это очень редкая птица. Живёт на далёких скалистых островах. Несёт яйца раз в десяток лет. Балда Актасси наверняка опять плавал черти куда ловить крабов и нашел яйцо. Как его не убили эти птицы? Не знаю. В рубашке родился. И раз наш город не уничтожила буря, значит, гром-птицы не в курсе, где их птенец. Но это неважно, – Ларион снова уставился на находку, и в его взгляде проступило вожде-

ние. – Это перо обладает волшебными свойствами и на черном рынке стоит состояние. А если набрать несколько таких, то можно будет купить целый дворец в столице!

– Что-то мне подсказывает, что ты снова преувеличиваешь, – Тирра закатила глаза. – Завтра пойду кормить птишку и подберу тебе ещё парочку. Может, хоть на лошадь хватит, чтобы уехать отсюда.

– Ты не понимаешь! Это такой шанс! Мы разбогатеем, если наберём мешок этих перьев, – глаза волшебника забегали по комнате. – Тут-то нам и пригодится твой навык ощипывать кур, хе-хе.

Тирра в бешенстве швырнула в мужа железной кружкой, но он ловко увернулся.

– Обожаю, когда ты злишься! А теперь за работу.

Они остановились возле высокого забора. В руках два мешка: один с едой, второй пустой, для перьев.

Тирра подошла к двери во двор, вставила и повернула ключ. Толкнула створку, но она не поддавалась. Может, на себя? Но этому движению мешал добротный косяк.

– В чем дело? – раздражённо спросил Ларион.

– Не знаю. Днём всё было нормально.

– Дай я.

Волшебник подошёл к двери и толкнул ее сначала рукой, потом заклинанием. Она не поддавалась.

– Что-то ее удерживает. Не хватает Силы.

– Ты же могущественный маг! – взвилась Тирра. – Разнести ее в щепки! Как мы будем ощипывать эту курицу, если даже не можем попасть внутрь?!

Глаза Лариона бегали, когда он уверенным тоном сказал:

– Здесь очень хитрый замок. Наверное, амулет, который срабатывает после захода солнца. Вернёмся завтра днём.

Шима подслушал разговор двух соседей и в ужасе шмыгнул в свой домик. Хорошо, он сообразил подпереть ворота старым столом без ножки, доживающим свой век на «дровнице», как ласково называл Бадда склад сломанных вещей, которые ему было жалко выбросить.

«В хозяйстве пригодится, – говаривал он, отправляя туда очередную ненужную вещь, либо сломанную, либо отданную соседями. – К тому же, всегда можно починить или смастерить что-то новое!»

Что можно смастерить из прогнивших досок, лежавших в самом низу кучи, Шима не знал. Просто верил папе. И теперь убедился, что старые вещи и впрямь могут пригодиться в хозяйстве. Например, в постройке оборонительных сооружений.

«Они хотят... ощипать меня? – Шима уставился на подрастающие перья и так плотно прижал крылья к телу, что

они буквально утонули в белом пухе. – Зачем? Почему? Что я им сделал? Ох не зря мне вчера не понравилась эта тетка! Они же настоящие бандиты!»

Ответа на эти вопросы не было, зато стало понятно, что делать дальше.

Нужно защищаться во что бы то ни стало!

План быстро созрел и развивался в умной голове птицы. Нужно было сообразить, как одолеть бандитов, и задача была как раз для его смекалки. Дело запахло увлекательным приключением! Шима сбегал до бочки с дождевой водой и набрал ее в ведро. Слегка облился – совладать с тарой одним только клювом было очень непросто. Разлил воду по дорожке в дом и намесил грязь ногами. Актасси очень ругался на Шиму, когда тот топтал дорожки – ведь можно было поскользнуться и упасть. А теперь именно это ему и было нужно!

Птенец открыл сарай и вытащил снасти. Ещё несколько сетей и целый моток тонкой но прочной конопляной лески. Помогая клюву ловкими пальцами лап, он приладил верёвку таким образом, чтобы она натянулась на двух деревьях поперек дорожки и перекрыла вход во двор.

Потом мощным клювом вскрыл дверной замок в большой дом. Дерево раскололось крупной щепой и укололо птенца в язык.

«Родители будут ругаться!» – все время крутилось в голове у Шимы, нарушавшего один запрет за другим. Но делать

нечего. Опасность была слишком велика.

В дом он тоже натаскал глинистой грязи и вымазал пол, особенно участок, ведущий к люку в подпол. Как бы затащить туда бандитов? Открытую дверцу они точно заметят!

Шима почесал шею, задумавшись. А потом вспомнил. Точно! Доски, которые могут пригодиться в хозяйстве!

Он разворотил кучу и вытащил со дна самые прогнившие доски зелёного цвета. От них несло плесенью, а на прилегавшей к земле стороне выросли охристо-желтые грибы. То, что надо. Шима уложил их на люк и сдвинул их так, чтобы они не сильно отличались от остального пола. Сверху добавил грязи и окончательно замаскировал их.

Но как заставить бандитов встать туда? Птенец сбегал во двор, сорвал украшения с акации и положил на гнилые доски.

«Вот, увидят блестяшки и сразу же пойдут их рассматривать!» – план выглядел беспроигрышным, ведь самого Шиму эти украшения завораживали и так и тянули к себе!

Потом с преогромным трудом затащил в дом и натянул под потолком рыболовную сеть. Сейчас птенец был максимально сосредоточен, чтобы не запутаться, как в прошлый раз. И при этом развесить ловушку так, чтобы она упала на соседей и поймала их в плен. А там уж он их сам дотащит до подвала. Сил хватит.

В самом конце он приладил над входной дверью небольшое бревно все из той же кучи очень полезных вещей.

Ему очень не хватало рук, чтобы сделать все так, как хотелось. «Ничего, совсем скоро они вырастут, и я смогу делать те же вещи, что и мама с папой», – утешал себя Шима, когда бревно в очередной раз сваливалось с той конструкции, которую он сооружал клювом и лапами.

Наконец, все было готово. Последним делом старый стол отправился в сторону от ворот.

Шима поднялся на второй этаж и занял место на кровати Актасси у окна. Он моргал все медленнее, пока совсем не заснул.

А утром, стоило взойти солнцу, бандиты появились возле ворот.

Ларион и Тирра подошли к забору соседей с первыми лучами солнца. Нужно провернуть все быстро, пока остальные жители городка не проснулись и не заинтересовались, что же происходит в доме у Бадды и Актасси. Ларион положил ладонь на створку ворот и зажмурился. Она поддалась. Не пришлось даже читать заклинания, которые... Ох, открылась и ладно.

– Видишь, дело в амулетах! – с явным облегчением сказал волшебник и толкнул дверь.

Они медленно вошли внутрь. Тирра достала тушку курицы и поболтала ею перед собой.

– Птичка-птичка-птичка! Смотри, какая вкуснота! Выходи, мы тебя не тронем.

На втором этаже большого дома хлопнула ставня. В окне показался голубой глаз.

– Вон он! – воскликнул Ларион и, забыв о предосторожностях, широким шагом направился в сторону дома. Тирра поспешила за ним, и через секунду оба оказались на земле, в скользкой коричневой жиже. Тушка курицы выскочила из рук и шлепнулась рядом.

– Кто-то помог птице натянуть веревку! – трясущимися пальцем Тирра указала на трос, тянущийся от одного деревца к другому.

– Да не может здесь быть никого, – пробурчал волшебник, поднимаясь, и заозирался по сторонам. – Ну вот, кафтан весь изгваздался.

– Не тебе его стирать, – буркнула Тирра и вытерла рукавом забрызганное грязью лицо.

Во дворе было тихо. Если здесь и были люди, то своего присутствия они не выдавали. Супруги шли, постоянно поскользываясь, в сторону дома. Тирра указала на раскуроченный косяк двери и прошептала:

– Кажется, тут кто-то побывал до нас!

– Что нам до идиотов, решивших обчистить дом братьев? Лишь бы птица была на месте.

Ларион выдохнул, тихонько приоткрыл дверь и вошёл внутрь. Но стоило створке полностью распахнуться, как на

голову упало увесистое бревно. Волшебник рухнул, как подкошенный, сознание покинуло его.

– Ларион! – закричала Тирра уже не таясь. – Что с тобой сделали?

Она вытащила нож и аккуратно прошлась по периметру сеней. Потом приоткрыла дверь в большую комнату, которая служила и кухней, и гостиной. Пол также был вымазан скользкой жижей, и Тирре пришлось идти аккуратно, чтобы не упасть. В углу на слое грязи блестели ракушки и чешуйки, Тирра подошла поближе, чтобы их рассмотреть, пожалала плечами и отвернулась. На противоположной стене виднелась лестница на второй этаж. Оттуда выглянула любопытная птичья голова.

– Вот ты где! – Тирра рванула к лестнице.

Но птица ухватилась за веревку и потянула на себя. В тот же миг на голову женщине упала привязанная к потолку рыбацкая сеть и повалила на пол. Катаясь в липкой грязи, она пыталась вырваться, но руки застревали в промежутках между веревками, и она все сильнее запутывалась. Еще и птенец подбежал и потянул за очередную веревку, сильнее затягивая узел.

Тирра зарычала и полоснула ножом по веревкам. Удар пришелся не только на сеть, но и зацепил птенца. Посыпались перья и пух. Брызнула кровь из глубокой царапины под глазом. Птица отшатнулась, заголосила и помчалась на второй этаж.

– Иди сюда, паршивец!

Женщина уже освободилась из плена, перехватила нож и направилась на второй этаж.

Птенец метался от одной стене к другой. Он попробовал вылезти в окно, но широкие плечи не пустили через узкий проем. Наконец он забился в угол и зашипел. Тирра надвинулась на него. Она старалась ступать аккуратнее, чтобы не попасться в очередную ловушку. Но судя по всему, здесь птица их не предусмотрела.

– Осторожно, клюнет еще, – раздался позади голос Лариона.

Тирра обернулась – ее муж стоял возле перил лестницы и одной рукой держался за голову, а во второй у него была сеть.

Птенец воспользовался моментом замешательства и помчался напролом, надеясь сбить вторженцев с ног и выбежать на улицу.

Но мужчина, несмотря на головокружение, накинул на него сеть, а женщина набросила мешок на голову и затянула веревку.

– Вот и все, птенчик, – оттаскивая вырывающуюся птицу в угол, приговаривала Тирра. – Не захотел по-хорошему есть мясо и делиться перышками, значит, сейчас придется по-плохому.

Она схватила край крыла и вытянула его в расправленное положение, предоставляя мужу возможность самому совер-

шить задуманное.

Он уже открыл мешок и протянул руку к вожделенным перьям, как вдруг снизу раздался громкий мужской голос:

– Что здесь происходит?! Кто там, наверху?

Ларион с Тиррой в ужасе переглянулись.

– Не может быть! Бадда должен был быть в отъезде еще два дня!

Голос снова повторил, более грозно:

– Быстро спускайтесь! Иначе натр-равлю собак!

Удерживающие веревки выпали из рук бандитов. Они оглянулись: окна были узкими – не пролезть. Придется сдаваться. Ларион пошел первым. Пока половицы скрипели под его подошвами, в голове выстроилась цепочка мыслей и оправданий: «Да мы это, просто зашли проведать, как там птичка ваша. Смотрим, дверь вскрыта, ну и зашли. Мало ли какое ворье постаралось? А тут внутри бардак, кавардак, птица ваша бегают, как безумная. Ну, мы ее загнали и связали, чтобы больше ничего не попортила. Дикое животное, что с него взять?»

С каждой мысленной фразой уверенность волшебника росла, и вниз он спустился с расправленными плечами и взглядом победителя.

Но на первом этаже никого не было.

Тирра налетела на мужа и чуть снова не повалила его на пол. Растерянно посмотрела по сторонам, а потом медленно указала Лариону на дальнее окно. Там, в лучах рассветно-

го солнца сидел попугай какаду и поворачивал голову под немислимыми углами. Он моргнул и крикнул:

– Лар-рион!

– Да ты кто такой вообще?! – вспыхнул мужчина, но попугай его проигнорировал.

– Ты волшебник, котор-рый р-разучился колдовать. От лени заплыло жир-ром не только твое физическое, но и ментальное тело. У тебя даже духа-покр-ровителя нет! Кр-ра!

Волна бешенства прошла по телу мужчины, он выбросил вперед руки и направил их на нахальную птицу. Она не сдвинулась с места.

– Покажи ему, милый! – азартно зашептала Тирра, которая давно мечтала увидеть настоящую боевую магию! Шутка ли, пять лет быть замужем за волшебником и ни разу не присутствовать ни при чем серьезнее иллюзорных шаров.

Ларион молчал. Слоги заклинания никак не шли ему в голову. Но сила бурлила и одного ментального приказа должно было хватить, чтобы от птицы остались одни перья. В носу защипало от запаха дыма. «Да, я в такой злобе, что сотру с лица земли эту тварь!» Сгусток силы вырвался из ладоней, полетел в сторону какаду и истаял на полпути, обдав попугая лишь слабым ветерком.

Мужчина взглянул на свои руки, потом на вытянувшееся лицо Тирры, зарычал и помчался к птице, чтобы разделаться с ней голыми руками. Какаду захлопал крыльями, но с места не сдвинулся.

Что-то треснуло и под ногами образовалась пустота.

– А-а-а! – раздался удаляющийся голос горе-волшебника.

Потом послышался стук, звон стекла и отборная брань.

– Ларион! – взвизгнула его супруга, подлетая к образовавшемуся в полу люку. – Я сейчас что-нибудь придумаю!

Но она не успела. В обрывках тлеющих веревок к Тирре подлетел птенец и точным ударом головы отправил ее к своему мужу. Потом захлопнул крышку в подпол и подтянул на нее большой деревянный сундук с очередной полезной утварью, которая однажды обязательно пригодится в хозяйстве.

– Ну что, ты убедился, что людям нельзя доверять? – мигая коричневым глазом, спросил попугай, когда они вышли во двор.

– Ну, это же не все люди такие! – возмутился Шима. – Мои родители – самые хорошие и добрые на свете!

– Эх-эх, глупый птенец...

Он перелетел на забор, и Шима испугался, что вот сейчас они расстанутся навсегда.

– погоди! – крикнул он. – Ты говорил... Прямо как они. И они тебя понимали! Пожалуйста, научи меня.

– Я не... – попытался возразить какаду, но Шима запрыгал вокруг и громко заверещал, пытаясь что-то «сказать». Попугай встопорщил перья вокруг глаз и скривил клюв, словно этот голос ранил слух. – Ла-а-адно. Попробуем что-нибудь сделать.

– Ура! – захлопал крыльями Шима и сделал круг по двору. Попугай перелетел на акацию и клюнул зеркальную чешуйку.

– А ловко ты с блестяшками придумал – я не устоял! Прыгал вокруг них, даже не сразу понял, что это ловушка.

– Спасибо, – довольно сказал Шима, а потом потупился, вспомнив, что не поблагодарил своего спасителя. – Ты мне жизнь спас.

– Глупый ты всё-таки, – вздохнул какаду. – Такой большой, но глупый. Ты свою силу использовал только чтобы веревки жечь, а мог бы... Э-эх! Да что с тебя взять, с несмышлениша?

– Я просто растерялся...

Шима понуро опустил крылья. Но попугай его подбодрил:

– Знаю. И раз уж возьмусь за тебя, то буду учить не только языку, но и уму, и магии молний, силы которой ты даже не можешь себе вообразить.

– Ты? Ты правда сможешь меня всему этому научить? – Шима не верил своим ушам.

Какаду не счел должным даже кивнуть. Шима задал ещё один мучивший его вопрос:

– А этот дядька, он и не волшебник вовсе?

– Волшебник, конечно. – вздохнул попугай. – Но бестолковый, жуть...

– Я не буду таким. Честно!

– Конечно, не будешь. Птицы намного умнее людей.

Попугай размял крылья и, прежде, чем улететь, подмигнул птенцу карим глазом.